

Д. Б. Тараторин

ЭРА БЕДСТВИЙ

чума и войны XIV века –
Европа и Русь

Дмитрий Борисович Тараторин

Эра бедствий: чума и войны XIV века – Европа и Русь

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67711272

Эра бедствий: чума и войны XIV века – Европа и Русь: Директмедиа; М;

2020

ISBN 978-5-4499-1261-9

Аннотация

Пандемии всегда заставляли людей по-новому осмыслить собственную жизнь. Мир после чумы 1347–53 годов изменился неузнаваемо. Люди столкнулись с болезнью, не щадившей ни женщин, ни мужчин, ни старых, ни молодых. Символом неотвратимости стали «Пляски смерти» – изображения процессий, влекомых танцующими скелетами. Но «моровое поветрие» – не единственное, что заставляло тогда человека ежечасно помнить о бренности жизни.

Век чумы начался казнью тамплиеров. А параллельно с пандемией бушевала Столетняя война между Англией и Францией. На Руси от «мора» скончался великий князь московский Симеон Гордый. Но в эти же годы Сергей Радонежский создает свою «революционную» монашескую общину. Так, одна из самых мрачных эпох обернется духовным

триумфом. Это век битвы на Куликовом поле и походов непобедимого Тамерлана, сражения на Косовом поле, и Великого Раскола в католической церкви. И каждое из этих событий имеет «двойное дно» или свой «скелет в шкафу». С каждым из них вас познакомит эта книга.

Современный человек, переживший коронавирус, сможет сравнить свои испытания и ощущения с теми, что выпали на долю тех, кто жил в одном из самых драматичных веков.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Глава I. Проклятье	6
Казнь магистра	6
Рыцарство Христа	15
Процесс века	24
Глава II. «Ад»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дмитрий Тараторин

Эра бедствий: чума и войны XIV века – Европа и Русь

Бывают эпохи, которые бросают цивилизации вызов. Человек сталкивается с угрозой смерти не как с чем-то отдаленным и не слишком осознанным, но лицом к лицу. Неотвратимо. В XIV веке так и случилось – чума, которую современники называли «Черной смертью», Столетняя война, вторжение в Европу турок-османов, армия «потрясателя вселенной» Тимура идет на Москву – казалось, что мир рушится на глазах.

Именно тогда на стенах храмов появляются зловещие «Пляски смерти», поэты пишут о ее «Триумфе». Но на Западе Екатерина Сиенская, а на Руси Сергей Радонежский видят свет, который «во тьме светит, и тьма его не объяла». Однако, чтобы обрести его, пришлось пройти через катастрофы, изменившие восприятие людьми самих себя, своей участи...

А началось все с проклятья.

Глава I. Проклятье

Казнь магистра

13 марта 1314 года четверо высших иерархов ордена тамплиеров, включая великого магистра Жака де Моле, предстали перед консилиумом, состоявшим из докторов теологии и знатоков церковного права. Рыцари услышали приговор: «Поскольку эти четверо, все без исключения, публично и открыто признали преступления, в коих они обвинялись, и подтверждают сии показания... они приговариваются к пожизненному тюремному заключению».

Гуго де Перо и Жоффруа де Гонвиль, сломленные и обесиленные, молча склонили головы. Но Жак де Моле, который к тому времени провел в заключении уже семь лет, перенеся за это время самые лютые пытки, отказался признать вердикт. Поддержал его и командор Нормандии Жоффруа де Шарне. Они во всеуслышание, обращаясь к присутствующим парижанам, заявили, что отказываются от своих показаний и клянутся, что ни они сами, ни орден не виновны в чудовищных обвинениях, которые им предъявлены.

Пирс Пол Рид пишет: «Такой поворот событий поставил исполнительных кардиналов в тупик – их заранее продуманный сценарий окончился конфузом. Двух отказчиков коро-

левский маршал быстро увел в камеру. Но слухи о произошедшем разлетелись по всей Франции. И как только они достигли Филиппа IV, тот собрал королевский совет, который и решил предать этих нераскаявшихся еретиков очистительному огню. И в тот же день «в час вечерни» Жака де Моле и Жоффруа де Шарне перевезли на небольшой островок Камышовый посреди Сены, где их должны были предать сожжению.

Как позднее написали очевидцы, Жак де Моле обратился с последним словом к папе Клименту и королю Филиппу – он призвал их, прежде чем завершится этот год, явиться на суд Божий. Перед тем как его привязали к столбу, Великий магистр попросил у охранников разрешения сложить ладони и помолиться. Еще он повторил, что орден Храма невиновен и что он просит Бога отомстить за его смерть и смерть братьев. Как отмечали летописцы, «смерть они приняли с легкой душой», а у всех присутствовавших «их отречение от ложных показаний и презрение к смерти вызвало восхищенное удивление». Двух стариков привязали к столбу и подожгли. Позднее, под покровом темноты, братья из соседнего монастыря августинцев вместе с другими набожными людьми пришли на пепелище и бережно собрали обугленные останки мертвых тамплиеров, словно это были святые мощи».

«Легкая душа» в пламени... Да, это наверняка произвело на зрителей сильное впечатление.

Очевидно, что Орден Храма был уничтожен в результате заговора, автором которого был король Франции Филипп Красивый, стремившийся к максимальной консолидации власти и финансов в руках монарха. Его политика сводилась к поступательному ущемлению прав духовенства, дворянства, горожан. Опирался он на внесословную группу «государевых людей», именовавшихся легистами (законниками).

Тамплиеры, мало того что были серьезной военной силой (подчинялись напрямую Папе Римскому), так еще и обладали серьезными финансовыми ресурсами. При этом, в период своего расцвета они недвусмысленно позиционировали себя как силу, не приемлющую абсолютистские поползновения европейских монархов. Характерен диалог между королем Англии Генрихом III и Великим магистром ордена.

«Вы, тамплиеры... – заявил король, – имеете столько свобод и хартий, что ваши безграничные возможности наполняют вас гордыней и наглостью. То, что вам было так неосмотрительно дано, должно быть предусмотрительно взято обратно, и то, что вам было по неосторожности пожаловано, должно быть продуманным образом отобрано». Но магистр холодно парировал: «Что говоришь ты, о, король! Неуместные слова твои больно слышать. Пока ты будешь справедлив, ты будешь царствовать; но, если ты нарушишь справедливость, ты перестанешь быть королем!».

Обвинения, выдвинутые против рыцарей Храма, и сего-

дня многими воспринимаются как вполне достойные доверия. И более того, многие поколения оккультистов, опираясь на них, возводят свою родословную к сподвижникам Жака де Моле. Однако все «признания» были получены под пытками. И там, где они не применялись, или палачи не слишком усердствовали (то есть практически везде кроме Франции и Папской области), обвинения были отвергнуты.

Еще в ходе процесса самими тамплиерами был выдвинут простой и логически неопровержимый довод. Они задавали судьям вопрос: «Как могли тысячи знатных дворян на протяжении многих десятилетий вступать в орден, дабы служить Христу, и, столкнувшись еще при посвящении со всеми приписываемыми братьям гнусностями, смириться с ними и оставить их в тайне?»

Да, судя по всему, ими практиковались некие специфические обряды, превратно истолкованные. Например, пресловутое «отречение» от Христа могло быть символическим напоминанием о падении апостола Петра. Могло быть неким испытанием, имевшим в виду постоянную угрозу попасть в руки к мусульманам и быть под угрозой смерти принуждаемым к переходу в ислам. Разное могло быть. Не могло быть только того, что приписывали им подручные короля Филиппа.

Ведь свою преданность Кресту тамплиеры не раз доказывали кровью. Так, после роковой для Иерусалимского королевства битвы при Хытине, пленным тамплиерам был пред-

ложен выбор: принять ислам или умереть. Никто из 230 рыцарей не изменил Христу. И все они были обезглавлены.

А всего за шестнадцать лет до ареста Жака де Моле тамплиеры явили беспримерное мужество и самоотверженность при обороне последнего бастиона крестоносцев в Святой земле. В этом бою пали сотни рыцарей и тогдашний великий магистр Гильом де Боже.

Рид так описывает падение Акры: «На следующей неделе дала трещину вторая башня, а 16 мая мамлюки предприняли мощный штурм ворот Святого Антония, которые защищали храмовники и госпитальеры. Устроившись ненадолго передохнуть в одной из башен под названием Проклятая, Гильом де Боже вдруг увидел, что туда вот-вот ворвутся сарацины. Не успев облачиться в доспехи, он организовал быструю контратаку, во время которой был опасно ранен. Братья-тамплиеры перенесли его в главную резиденцию ордена, что на юго-восточной окраине города, и той же ночью он скончался.

Маршал госпитальеров Мэтью де Клермон, до конца оставшийся рядом с умирающим Гильомом де Боже, вернулся на поле боя и вскоре тоже погиб. Великий магистр госпитальеров Жан де Вильер также был ранен, но, к счастью, не смертельно. Братья-рыцари переправили его на галеру в порту. На причале царил паника и переполох, словно все жители разом собрались покинуть проклятый Богом город. Король Генрих с братом Амальриком, погрузившись на па-

русник, отправились на Кипр. Немецкий принц Оттон и Жан де Граилли реквизировали для себя другой корабль. Над водной поверхностью гавани виднелось много голов беженцев – они устремились в сторону уплывающих из порта галер. Патриарх Николай по доброте душевной набрал в свою ветхую лодчонку столько страждущих, что та перевернулась, и пастырь утонул.

Роже де Фло, капитан одной из галер, принадлежащих тамплиерам, фактически превратился в профессионального пирата, вымогая крупные суммы у богатых матрон из Акры за место на своей посудине. Наконец, отрезав гавань от города, мамлюки принялись вершить расправу, убивая и мужчин, и детей, и женщин. Те, кто пытался укрыться в своих домах, попали в плен, а затем были проданы в рабство. Пленников оказалось так много, что, например, цена девочки на дамасском рынке упала до одной драхмы, а многие женщины и дети навсегда исчезли в гаремах мамлюкских эмиров.

К исходу ночи 18 мая почти вся Акра уже была в руках мусульман, за исключением замка тамплиеров на побережье, за массивными стенами которого оборону держали уцелевшие рыцари во главе с маршалом Пьером де Севри и группа горожан. Часть возвратившихся с Кипра галер доставила оборонявшимся продовольствие и воду, поэтому они могли выдержать длительную осаду. Поняв это, аль-Ашраф вынужден был пойти на переговоры. По соглашению, тамплиеры и все бойцы из их команды могли покинуть замок и бес-

препятственно перейти на суда, захватив казну и имущество. Однако эмир, которому с сотней мамлюков поручили контролировать выполнение соглашения, тут же изъял у горожан их имущество и дал приказ обыскать женщин и детей. Разгневанные тамплиеры набросились на мамлюков и уничтожили их, затем в ключья разорвали султанский штандарт, который те укрепили на башне замка.

Той же ночью под покровом темноты командор храмовников Тибо Годен по приказу маршала Пьера де Севри погрузил на корабль всю казну ордена Храма и вместе с группой беженцев-христиан отплыл в Сидон, удерживаемый тамплиерами. На следующий день султан аль-Ашраф потребовал продолжить переговоры об условиях капитуляции тамплиеров. Получив гарантии безопасности, маршал Пьер де Севри с небольшой группой рыцарей отправился на переговоры. Но как только они вошли в султанский шатер, их схватили и обезглавили. Оставшиеся в замке тамплиеры заперли ворота, ожидая сарацинской атаки. В конце мая мусульманам удалось подорвать часть стены вблизи крепостных ворот, и мамлюки ворвались в образовавшийся пролом. Последние защитники крепости погибли в жестокой схватке, и Акра окончательно пала».

В наше время тамплиерам приписывают и вовсе экстравагантные грехи. Сейчас разного рода половыми девициями никого не удивишь, поэтому их обвиняют в геополитических извращениях. Например, есть версия европейского

происхождения Чингисхана и его окружения. И что поход был задуман «коварными храмовниками». И хотя у монголов, действительно, были контакты с европейцами, но их союзником, похоже, был как раз враг тамплиеров император Фридрих II Гогенштауфен.

А «аргументированное» обвинение в адрес храмовников несложно опровергнуть, обратившись к подлинным событиям. Ведь именно тамплиеры сорвали крестоносно-монгольский альянс. Когда тумены хана Хулагу, незадолго перед этим покорившего Иран, готовились к вторжению в Сирию, некоторые бароны Заморья, да и политики Европы уповали на то, что их удастся использовать в борьбе с мусульманами. Надежды питал тот факт, что среди монголов имелся некий процент христиан-несториан.

Но храмовники совершили рейд на территории, подконтрольные монголам. А затем абсолютно в спартанском стиле перебили их послов, явившихся предъявить за это претензии. Вожди ордена провозгласили: «если придут монгольские черти, то они найдут слуг Христа готовыми к бою».

В итоге монголы потерпели поражение от мусульман, которые позже окончательно вытеснили из Палестины и крестоносцев. Казалось бы, где логика? Почему тамплиеры не стали действовать по принципу «враг моего врага – мой друг». В данном случае, похоже, «желтая угроза» казалась им ничуть не меньшей, чем «зеленая».

А кроме того, иной раз анализируя «необдуманные» дей-

ствия тамплиеров, кажется, что и не стремились они к материальной победе. Главной их целью было умереть за Иисуса. И все свои свершения они посвящали Ему. Девизом ордена была фраза из католического гимна: *Non Nobis, Domine, Non Nobis, Sed Nomini Tuo Da Gloriam* – Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему слава!

Рыцарство Христа

Многие вожди Первого крестового похода, отправляясь в Святую землю, тоже не рассчитывали вернуться. Готфрид Бульонский продал все свое имущество, включая родовой замок. И он после Великой Победы был избран королем Иерусалимским. Однако, приняв бразды правления, он не принял титул, ибо вечным Царем Священного города считал Христа. Им были утверждены «Иерусалимские Ассизы» – нормативные акты, гарантировавшие подданных от абсолютских притязаний со стороны его преемников.

Согласно этому документу всем был гарантирован справедливый суд. Вот что писали о законах Святой Земли современники: «Герцог Готфрид учредил две светлые палаты: одну – Верхнюю палату, где сам был председателем и судьей; а другую – Палату граждан, в которой он вместо себя поставил одного из баронов, чтобы он был председателем и судьей, и называли его виконтом. Судьями же Верхней палаты он назначил своих баронов-рыцарей, которые клялись ему в верности на основании данной ими присяги; а Палату граждан составил из жителей города, самых честных и умных, какие только нашлись. ...Ассизы же и обычаи обеих Палат походили одни на другие не во всем, ибо знатные бароны и те, которые обязаны королю верностью, и король им, также их вассалы и рыцари не должны быть судимы, как гражда-

не; а граждане, равно как и чернь и простой народ, не могут быть судимы, как рыцари».

Интересный факт – одним из первых франкских аристократов, отправившихся в Святую землю в 1096 году по призыву папы Урбана II (который, в свою очередь, откликнулся на мольбу о помощи византийского императора Алексея Комнина), был граф Гуго де Вермандуа, сын Анны Ярославны. Да, той самой дочери князя Киевского Ярослава Мудрого, которая вышла замуж за короля Франции Генриха I. Соответственно, Гуго был родным братом Филиппа, нового государя самой могучей тогда европейской державы. И представлял в походе ее королевский дом. Он погибнет в 1102 году во время крестоносной экспедиции, имевшей целью освободить из сельджукского плена Боэмунда Тарентского.

Орден тамплиеров основал тезка графа – Гуго де Пейн. Он оказался в Святой земле в свите графа Шампанского. Но когда его сюзерен отправился назад в Европу, де Пейн остался. И через какое-то время обратился к новому Иерусалимскому королю Балдуину II с предложением создать рыцарское братство, задачей которого была бы защита паломников. Она была крайне актуальна, поскольку вооруженных сил королевства для этого было явно недостаточно.

Рид пишет: «Предложение Гуго было одобрено и королем, и патриархом; в день Рождества Христова в 1119 году Гуго де Пейн и восемь других рыцарей – в том числе Готфрид де Сен-Омер, Аршамбуа де Сен-Аньян, Пайен де Мон-

дидье, Жоффруа Бизо и еще один крестоносец по имени Россаль, или Роланд, – дали обет бедности, целомудрия и торжественно поклялись патриарху в церкви Гроба Господня. Они назвались „бедным братским воинством Иисуса Христа” и поначалу не носили какой-то особой одежды, а продолжали одеваться сообразно своей особой профессии. Дабы обеспечить их необходимыми для существования средствами, патриарх и король выделили им средства из своей казны. Балдуин II уступил им замок в Иерусалиме, возле места, где, по преданию, находился храм Соломона, на южном склоне Храмовой горы. Поэтому их вскоре стали называть бедным рыцарством Христовым и храма Соломонова, рыцарями храма Соломона, рыцарями Храма или просто храмовниками».

К тому времени уже десять лет существовал орден госпитальеров, чьей задачей была забота о больных и раненых пилигримах. Отсюда, собственно, и его название. Тамплиеры изначально позиционировали себя как чисто воинское объединение. Рыцари, но при этом монахи... Появление такого братства было явлением неоднозначным.

Ален Демурже пишет: «Клирики Западной Европы, размышляя над организацией христианского общества, соответствующей божественной воле, делили его на сословия, или функции. В каролингскую эпоху выделяли три категории: монахов, клириков и мирян. Однако с конца IX в. Эймон Осерский (или Эрик) истолковал трехфункциональность иначе, разделив общество на тех, кто молится (мона-

хов и клириков), тех, кто сражается (и кто повелевает, кто управляет), и тех, кто трудится. Немногим позже чем через век эту формулу воспроизвели почти в одинаковых выражениях и в одно время (около 1020–1027) Герард, епископ Камбрейский, и Адальберон, епископ Ланский, который писал:

„Таким образом, дом Бога тройствен, выглядя при этом единым: одни здесь молятся (*orant*), другие сражаются (*puignant*), а третьи трудятся (*laborant*); все трое объединены и не разделены; поэтому дело каждого двух зиждется на службе третьего, и каждый в свою очередь приносит облегчение всем”.

Человеческое общество иерархично и солидарно. Оно едино в трех сословиях. Самый непосредственный смысл этой схемы состоит в том, что каждый через посредство сословия, к которому принадлежит, занимает свое место в божественном плане; но смысл и в том, что каждый должен оставаться на своем месте.

Значит, эта схема уже существовала более века, когда в январе 1129 г. собор в Труа признал легитимность ордена Храма. А ведь тот объединил в себе две первые функции, молитвы и сражения, вопреки трехфункциональной схеме, строго разделявшей их».

Особую роль и особое положение тамплиеров предопределило то, что их благословил и создал для них устав мистик и проповедник, харизматичный лидер славившегося своим

аскетизмом цистерцианского ордена, Бернард Клервоский. Несомненно, он не совершал некоего революционного шага. Он лишь обеспечил теоретическую базу для тех настроений, которые буквально витали в воздухе.

Лев Карсавин писал:

«Не будучи ещё аскетическим и не сливаясь ещё с монашеским, рыцарский идеал был уже идеалом христианским. Рыцари – те, кто верно служат Господу Богу всем своим честным сердцем – были, по мысли идеологов, защитниками слабых и безоружных, вдов и сирот, защитниками христианства против неверных и еретиков. Стать рыцарем значило „поклониться ни шагу не отступить перед неверными” – лучше умереть, нежели заслужить имя труса. Иуда Маккавей однажды во главе сотни встретился с двухтысячным врагом и не убоился, надеясь на Бога, – „fiance que Dex li aidera” упование на то, что Бог поможет. Миссия защиты паломников в Святую Землю, помощи тем из них, которые, больные или бедные, в ней нуждались, защиты Гроба Господня от неверных вытекала, таким образом, из идеала христианского рыцарства. Благодаря господству аскетического мирозерцания она сочеталась с принесением монашеских обетов, и так возникли рыцарские ордена».

Но при этом естественно возникал законный вопрос: как монах, человек, решивший во всем следовать за Христом, может убивать людей? И Бернард Клервоский дал на него ответ:

«Нет такого закона, который бы запрещал христианину поднимать меч. Евангелие предписывает воинам сдержанность и справедливость, но оно не говорит им: „Бросьте оружие и откажитесь от воинского дела!“ Евангелие запрещает несправедливую войну, особенно между христианами. Было бы запрещено убивать и язычников, если бы каким-нибудь другим образом можно было помешать их вторжениям и отнять у них возможность притеснять верных. Но ныне лучше их избивать, чтобы меч не висел над головою справедливых, и чтобы зло не прельщало несправедливых. Нет для избравших себе воинскую жизнь задачи благороднее, чем рассеять этих жаждущих войны язычников, отбросить этих служителей скверны, мечтающих отнять у христиан сокрытые в Иерусалиме сокровища, осквернить святыя места и захватить в наследие святилище Бога. О, да извлекут дети веры оба меча против врагов!».

Два меча – символы духовной и светской власти. Святой Бернард считал, что сам Христос подал тамплиерам пример, «вооружившийся не мечом, а бичом, чтобы изгнать из храма торговцев».

Карсавин, излагая идеи, лежавшие в основе ордена Храма, пишет: «Появилось новое рыцарство – воинство Божье (*militia Dei*). Ему не нужны женственные наряды мирского рыцарства. Три качества необходимы настоящему воину: острое зрение, чтобы не попали на него врасплох, быстрота и готовность к бою. И тамплиеры не носят длинных во-

лос, чтобы свободно глядеть и вперед, и назад. “Они покрыты пылью, темны их панцирь и шлем. Ни серебро, ни золото не украшают их скромного вооружения. Не игре в кости и не праздным забавам посвящены досуги храмовников“. Новое рыцарство “заперло двери своих домов для мимов, магов и скоморохов; оно презирает игры, страшится охоты”. „Редкие часы досуга посвящаются починке одежды и оружия“. Молитвы наполняют день, и „взрывы смеха“ сменились святым пением псалмов.

Такие воины – истинные воители Христовы – могут сражаться за дело Господне. Пусть убивают они врагов или гибнут сами. Им нечего бояться. Славно претерпеть смерть за Христа и не преступно убивать других за Него. Христов рыцарь убивает безгрешно и умирает со спокойною совестью. Умирая, он трудится для себя, убивая – для Христа. Недаром носит он меч. Служитель Бога, он – каратель злых и спаситель добрых. Убивая злого, он – не человекоубийца, а „злоубийца“ (*malicida*). Он мститель, служащий Христу, и защитник христианского рода. „Великое счастье умереть в Боге, счастливее тот, кто умирает за Бога!“».

Но только ли сугубо военная задача стояла перед этими, облачившимися в белые плащи с красным крестом, рыцарями? Именно с периодом расцвета ордена связан и расцвет той эпохи, которую именуют Высоким Средневековьем. Ее символом стали готические соборы.

Луи Шарпентье отмечает:

«В двенадцатом-тринадцатом веках открыты, заложены следующие храмы: В Нуайоне, 1140; в Санлисе и Лаоне, 1153; в Париже, 1163; в Пуатье, 1166; в Сансе и Лизье, 1170; в Суассоне, 1175; в Бурже, 1190; в Шартре, 1194; в Руане, 1200; в Реймсе, 1211; в Оксерре, 1215; в Мансе, 1217; в Кутансе, 1218; в Амьене, 1220; в Тулузе, 1229; в Страсбурге, 1240... и так далее. Я перечислил только самые важные.

Сколько мэтров строительства, резчиков, гранильщиков, каменщиков!

А деньги?

Понятно, все они верующие люди, но монахов среди них мало, на доходы аббатства рассчитывать не приходилось, это в большинстве миряне со своими семьями и заботами...

А ведь оплачивать надобно не только их, но и рабочих на карьерах, грузчиков, сучильщиков каната, водопроводов, угольщиков, смотрителей и других, а затем скульпторов, мэтров по стеклу и прочее.

Деньги?

От народа, разумеется. Платит всегда народ так или иначе. Однако народ беден, и много с него возьмешь только за многие годы.

Король, сеньоры, епископы, каноники наперечет известны, ибо они всегда свои дары надписывают, причем одаривают скудно: алтарь, витраж, статуя...

Общины? Но кроме Парижа страна заселена небольшими городами да деревнями – какой с них прок?

Только одна организация достаточно богата, чтобы все финансировать. Тампль.

Свершили ли они такое и была ли подобная миссия?

Еще раз все сходится к святому Бернарду, который провозгласил Тампль и дал миссию.

Миссию?

Целых три миссии.

Отыскать „Скрижали Закона”.

Создать западную цивилизацию.

Воздвигнуть Храм.

Тамплиеры ни разу не уклонились.

Их командорства славились гостеприимством, протекцией бедных и гонимых, милосердием. Доблесть шевалье никогда под вопрос не ставилась. Они „бранились как тамплиеры” – простительный грех.

И что против этого величия подлость затеянного процесса!».

Процесс века

Якобы найденные тамплиерами «Скрижали Завета» оставим на совести французского исследователя, но вот прочие приведенные им факты, действительно, трудно объяснить, не привлекая «тамплиерскую версию». Но чем же они помешали королю Филиппу Красивому? Или рыцари, и правда, были виновны в предъявленных обвинениях. А они действительно были тяжкими. Тамплиеров, согласно дарованным им некогда папой привилегиям, могли судить только братья по ордену, либо сам римский понтифик. И в роковой для ордена час на его престоле оказался человек, подконтрольный французскому королю.

Рид пишет: «Какова же причина столь очевидной приерженности Климента V интересам Франции? Два итальянских летописца, Аньоло дель Тура и Джованни Виллани, писали, что кардинал Никколо да Прато присутствовал на знаменательной встрече с Бертраном де Го, когда тот еще был архиепископом Бордоским, и Филиппом Красивым. На этом приеме король выдвинул четыре условия поддержки кандидатуры кардинала на папский трон: примирение с Колонна и всеми участниками скандала в Ананьи; официальное осуждение Бонифаций VIII; пополнение Папской курии за счет кардиналов-французков; и еще один секретный пункт – как он выразился, “крайне важный и загадочный”, – который

он собирался сообщить Бертрану де Го позднее. По словам хронистов, Бертран будто бы смиренно ответил королю: «Вы приказываете, я подчиняюсь»».

Не был ли «крайне важный и загадочный пункт» делом тамплиеров? Ну а что касается упомянутого Ридом «скандала в Ананьи», то это инцидент поистине беспрецедентный. На предыдущего папу Бонифация, откровенно недружественного французскому королю, было совершено нападение, в котором участвовали его злейшие враги из римской семьи Колонна и представители Филиппа во главе с его канцлером Гильомом де Ногаре. Как сейчас сказали бы, операция была проведена «с особым цинизмом» – престарелому понтифику дали пощечину. Вскоре от перенесенного потрясения он скончался. И руки у Филиппа оказались развязаны.

Атака на Тампль началась с распространения разных нехороших слухов. Так была расставлена ловушка для великого магистра. Уверенный в своей правоте и своих правах Жак де Моле в 1307 году приезжает с Кипра (где закрепились рыцари, изгнанные из Палестины) в Париж, чтобы снять все эти нелепые, с его точки зрения, подозрения. С просьбой разобраться в этом вопросе магистр обращается к папе.

Рид сообщает: «Удовлетворенный тем, что его просьба о расследовании уважена, Жак де Моле отправился из Пуатье в Париж, где 12 октября 1307 года со всем двором присутствовал на похоронах Екатерины де Куртене, жены брата ко-

роля Карла Валуа. Но уже на следующий день, в пятницу 13 октября 1307 года, он был арестован прямо в Тампле, резиденции ордена в пригороде Парижа. Руководили арестом министр Гильом Ногаре и королевский казначей Рено Руа.

Три недели спустя Филипп Красивый разослал тайные инструкции своим бальи и сенешалям по всей Франции задерживать храмовников за “странные и неслыханные преступления, которые жутко не только вообразить, но о которых страшно даже слышать... о столь мерзких и отвратительно позорных делах, которые выходят за пределы человеческих понятий, по сути являясь абсолютно бесчеловечными”. Его распоряжения были выполнены необычайно оперативно: всего за один день в королевстве арестовали около пятнадцати тысяч рыцарей, сержантов, капелланов, а также слуг и хозяйственных работников. ...Точно так же, как ранее в истории с ломбардцами и евреями, все имущество ордена Храма изъяли в пользу короля».

Часто атаку на орден объясняют алчностью Филиппа, зарившегося на богатства ордена. Действительно, до рыцарей король ограбил евреев и ломбардских банкиров, и действительно, тамплиеры были богаты. Точнее, богат был Тампль, который направлял свои ресурсы как на подготовку нового крестового похода (возглавить его обещал Филипп), так и на строительные проекты и помощь неимущим. Каждый же отдельный рыцарь ничем не владел, но распоряжался порой весьма серьезными суммами.

Шарпантье рассказывает:

«Развитием коммерции тамплиеры занимались много: строили дороги, склады, гостиницы, что, безусловно, содействовало торговой циркуляции.

Однако рост коммерческих связей невозможен без своевременной доставки денег, и это момент исключительный.

В ту эпоху не фабриковали бумажных купюр – легко представить трудности перевоза увесистого монетарного металла на гужевом транспорте: прибавим капризы погоды и постоянную угрозу ограбления.

Дабы избежать подобной головной боли, тамплиеры ввели систему вексельного учета, которая практиковалась в Ломбардии и Венеции. Система простая: некто оставляет определенную сумму (в металле, не забудем), скажем, в командорстве Парижа. Взамен бухгалтер выдает вексель на другое командорство – в Тулузе, допустим, и некто по предъявлении документа получает там эквивалент своего депозита в любой “валюте”.

Устраняются, таким образом, тяготы транспорта и прочие дорожные проблемы крупного негодцианта: при себе у него только бесполезный для воров вексель».

То есть орден, действительно был уникальной организацией – духовной, военной, финансово-хозяйственной. Его даже не назовешь «государством в государстве». Он был «государством» поверх любых границ. И именно этот его статус был абсолютно неприемлем для Филиппа. Пока рыцари

сражались в Святой земле, их еще можно было терпеть. Но теперь, когда позиции на востоке были утрачены, и их возвращение очень мало волновало французского короля, его весьма и весьма стала беспокоить мощь ордена.

Ведь он никоим образом не контролировал военно-финансовую силу, которую какой-нибудь новый, недружественный папа мог направить против него. Да, устав ордена запрещал рыцарям поднимать меч против христиан. Ну а если понтифик отлучит короля от церкви? Если обвинит в ереси? Филипп был человеком стратегического мышления и решил сыграть на опережение, обвинив в ереси самих храмовников.

Какие же обвинения им были предъявлены? Рид сообщает:

«По словам королевских прокуроров, орден Храма состоял на службе у самого дьявола. Каждого новобранца будто бы принуждали во время инициации (процедуры вступления) заявлять вслух, что Иисус Христос является лжепророком, которого распяли не во искупление людских грехов, а в наказание за собственные преступления. Вступающему в орден полагалось отречься от Христа и плюнуть или помочиться на распятие, а затем поцеловать рыцаря, который принимал клятву у новобранца, в рот, пупок, ягодицы, копчик, а “иногда и в пенис”. После этого сообщали, что ему не просто “дозволяется вступать с братьями в половые отношения”, а предлагается всячески “стремиться к подобным братским связям по взаимному согласию”, но что это “для них не счи-

тается грехом”.

Дабы подчеркнуть свое неприятие Христа, священникам-тамплиерам якобы полагалось во время мессы пропускать все слова, связанные с его прославлением. Обвинители утверждали, что у тамплиеров существовала некая тайная церемония службы демону по имени Бафомет – в виде кошки, черепа или скульптурного изображения головы с тремя лицами. На поясе рыцари носили веревки или ремни, “освященные” прикосновением к подобной голове. Утверждалось также, что это делалось “большинством и повсеместно”, а тех, кто отказывался, либо убивали, либо бросали в темницу.

Наряду с этими главными беззакониями существовали и другие странности, которые также вызывали подозрение общественности. Заседание тамплиерского капитула всегда проводилось тайно, ночью и под усиленной охраной. Великий магистр – вместе с другими старшими офицерами – исповедовал и отпускал грехи братьям-храмовникам, хотя и не имел на это церковных полномочий. Всем тамплиерам вменялись в вину жадность и своекорыстие; они „не считали грехом... присвоить имущество других – как законными, так и незаконными методами” – и постоянно стремились “приумножить богатства ордена любым способом...” И еще их обвиняли в предательстве, в тайных переговорах с мусульманами, которые, дескать, привели к потере Святой земли.

Неудивительно, что когда папа Климент V и король Яков II Арагонский впервые услышали эти обвинения, то не

поверили ни единому слову».

Однако, неожиданно для всех, арестованные рыцари стали массово давать признательные показания. Под впечатлением от оных и под давлением Филиппа папа разослал всем европейским монархам тайную директиву арестовать тамплиеров, находящихся на подвластных им территориях. Одновременно в Париж была направлена следственная комиссия кардиналов, призванная разобраться в скандальном деле.

Когда перед «князьями церкви» предстал Жак де Моле, он отрекся от признательных показаний и, задрав подол рубахи, продемонстрировал следы чудовищных пыток. Кардиналы «горестно вскрикнули и потеряли дар речи». И начались многолетние мытарства. Для того чтобы обличить тамплиеров, Филипп привлекал университетских теологов и созывал заседания Генеральных штатов (французского парламента), вел активную пропаганду среди населения, обеспечивая, таким образом давление на папу со стороны «общественного мнения», запутывал и запугивал обвиняемых.

И, тем не менее, большинство из них продолжало отвергать обвинения. Более того, некоторые вызвались выступать в качестве адвокатов ордена. Один из них, Пьер Булонский, заявил судьям, что к братьям применялись «самые изощренные пытки, от которых одни просто умерли, а другие стали калеками, что побудило многих солгать, оклеветать себя и весь орден». Он сделал заявление, достойное современно-

го правозащитника о том, что пытка, как метод дознания, в принципе неприемлема, поскольку под ее воздействием становится невозможным «свободное мышление – неотъемлемое свойство любого добродетельного человека». Позднее Пьер просто исчезнет. Сгинет в казематах французского короля. А пятьдесят четыре его собрата, столь же упорных и непоколебимых, будут публично сожжены у стен монастыря Святого Антония в пригороде Парижа.

Это случилось за два года до официального роспуска ордена, провозглашенного папской буллой «*Vox in excelso*» от 22 марта 1312 года. А еще через два года взошел на костер сам Жак де Моле.

В деле тамплиеров по-прежнему немало странного. Например, подавляющее большинство категорически отвергло обвинения в содомии, а вот отречение от Христа многие признавали. Но при этом отказывались каяться в ереси. Как подобное можно совместить? Но и вышеупомянутую версию об отречении, как символическом повторении деяния апостола Петра, тоже не озвучивали. Это уже предположения современных исследователей. Кто или что такое «Бафомет», и как выглядела его голова? Показания на сей счет настолько разноречивы, что вынести некое определенное суждение совершенно невозможно.

При этом его «трехликость» довольно странно считать чем-то еретическим и даже просто аномальным. В те времена изображение Бога-Троицы еще не было жестко кано-

низировано. И очень часто этот сложнейший для осмысления (даже, пожалуй, невысказанный) догмат пытались визуально представить в виде трехголового человека, или головы с тремя лицами...

При этом мифы о том, что тамплиеры были магами-алхимиками, тоже, мягко говоря, вызывают сомнения. Хотя бы потому, что сам верховный магистр, старый суровый воин был неграмотен. Какая уж тут алхимия?

Крушение ордена, особенно учитывая ту миссию, которой он был облечен Бернардом Клервоским, учитывая вообще образ рыцаря-монаха как своего рода идеала, имело необратимые последствия для психологии людей Средневековья. Исследователь тайных обществ Чарльз Уильям Гекертон точно выразил характер потрясения: «С Тамплиерами погиб целый мир; рыцарство, крестовые походы кончились с ними. Даже папство получило ужасный удар. Символизм был глубоко потрясён. Возник жадный и бесплодный торговый дух. Мистицизм, озарявший таким ярким светом прошлые поколения, нашёл холодность, недоверие в душах людей».

Но кем бы ни был Жак де Моле, простым воякой или глубоким мистиком, его проклятие имело скорый и смертоносный эффект. И папа (которого магистр вполне оправданно считал предателем), и король скончались в том же году. Более того, многим читателям, наверное, известны романы Мориса Дрюона, повествующие о безрадостной участи сыновей

Филиппа. То, что они, в свою очередь, не оставили сыновей, и стало причиной для Столетней войны, погрузившей французское королевство в ужас нескончаемого хаоса.

Между тем, пропагандистская кампания Филиппа не дала результатов. Современник событий флорентийский историк Джованни Виллани писал: «Очень многие утверждали, что тамплиеров погубили несправедливо, чтобы завладеть их имуществом, которое впоследствии папа изъял своей властью и передал ордену госпитальеров, но пришлось его выкупать у французского короля и у других государей. На это, считая выплату процентов, ушло столько денег, что орден госпитальеров остался ещё беднее, чем был прежде, владея только своим. Возможно, тут следует видеть перст Божий. Как мы увидим ниже, французский король и его сыновья подверглись великому позору и несчастьям, как за это преступление, так и за пленение папы Бонифация...»

Того же мнения придерживался и один всемирно известный земляк Виллани, автор «Божественной комедии». В годы судилища над тамплиерами он как раз работал над «Адом»...

Глава II. «Ад»

Партийный принцип

Апостол Петр в «Божественной комедии» говорит:

«Не мы хотели, чтобы христиан
Преемник наш пристрастною рукою
Делил на правый и на левый стан;
Ни чтоб ключи, полученные мною,
Могли гербом на ратном стяге стать,
Который на крещеных поднят к бою;
Ни чтобы образ мой скреплял печать
Для льготных грамот, покупных и лживых,
Меня краснеть неволя и пылать!
В одежде пастырей-волков грызливых
На всех лугах мы видим средь ягнят.
О божий суд, восстань на нечестивых!
Гасконцы с каорсинцами хотят
Пить нашу кровь; о доброе начало,
В какой конечный впало ты разврат!»

«Пить нашу кровь» – то есть разорять церковь – что за гасконцы и каорсинцы на это посягают? Кто погрузил в разврат «доброе начало», то есть папскую власть. Под «гасконцем» Данте подразумевает того самого папу Климента, предавшего тамплиеров, а под каорсинцем, его преемника Иоан-

на XXII, который также находился под контролем французской короны, пребывая вместо Рима в Авиньоне.

А дальше слово берет Беатриче:

«Воссядет дух державного среди вас
Арриго, что, Италию спасая,
Придет на помощь в слишком ранний час.
Так одуряет вас корысть слепая,
Что вы – как новорожденный в беде,
Который чахнет, мамку прочь толкая.
В те дни увидят в божем суде
Того, кто явный путь и сокровенный
С ним поведет по-разному везде.
Но не потерпит Бог, чтоб сан священный
Носил он долго; так что канет он
Туда, где Симон волхв казнится, пленный».

Последние слова снова о Клименте. Они определяют место его вечной казни – Ад, одна из круглых скважин третьего рва Злых Щелей. А в первых строках речь идет о некоем «Арриго», которого Климент тоже предаст. Кто это?

Это император Генрих VII, который, как верил Данте, призван был не только спасти Италию от раздиравших ее конфликтов, но и вернуть лично ему родину – Флоренцию. Он был изгнан из города под угрозой смерти, как раз в результате жестокой партийной борьбы, сторонами которой были гвельфы и гибеллины. А потом, когда последние по-

терпели во Флоренции поражение, противостояние возникло между белыми и черными гвельфами. Белые, к которым принадлежал Данте, проиграли.

Название «гибеллины» пошло от латинизированного названия одного из замков имперской фамилии Штауфенов (к которой принадлежали Фридрихи I и II Барбароссы) – Гаубелинг (нем. *Waiblingen*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.